

Ильинград

„Дальняя дорога“

Открылся сезон в уфимском театре драмы

С КАЖДЫМ ГОДОМ меняются зрители.

С каждым новым сезоном меняется состав уфимского зрительного зала. Одни зрители заметно вырастают, начинают требовать от театра тонкого анализа души человеческой, неотрицимо верной передачи переживаний сценических характеров, умной, прочувствованной трактовки произведения. Другие приходят в театр впервые. Для них спектакль покада большей частью — развлечение. И нужно уметь удовлетворить разрозненные запросы театралов и воспитать умных, чутких благодарных зрителей из новичков.

Это должен делать театр. И должен делать хорошей работой, удачно постановкой. Самое главное, основное оружие в этом — отточенный анализ каждого произнесения слова, каждого совершенного жеста, каждого движения лица. Это же так: и сегодня невозможно уйти от того, чем всегда держалось искусство. А держится оно, по словам великого писателя, на «чуть-чуть». Чуть-чуть переиграли или не доиграли — и слово осталось мертвым, не дошло до зрителя. Чуть-чуть. Оттенки. Нюансы. Его надо искать долго и кропотливо, выбирая из тысячи вариантов один единственный верный. Нюанс на театре — это клекта, которая вкупе с себе подобными образует живой организм — спектакль.

УФИМСКИЙ РУССКИЙ ДРАМАТЕАТР не так уж часто дарит нас спектаклями верными в актерской трактовке от начала до конца. Так он и в новом спектакле — постановке лирической комедии Алексея Арбузова «Дальняя дорога».

Если говорить о конечном результате спектакля — то он, безусловно, положительный. Театр к 40-летию комсомола подарил уфимцам произведение веселое, молодое, умное. Это лирическое повествование о комсомольцах-метроостроевцах, людях большого подвига. Можно только благодарить театр за этот подарок молодежи к славному юбилею.

Но насколько зритель вышел бы более обогащенным, если бы каждый исполнитель уловил суть каждого положения, каждого замысла драматурга. Покуда речь можно вести лишь об отдельных удачах.

ГЛАВНАЯ ФИГУРА спектакля — Антон. Он задает тон всему ансамблю. Первый выход — прямо из зала — удача артиста В. Волкова. Непринужденно, уверенно, динамично он начинает свой разговор со зрителем. Открытое симпатичное лицо, ладная фигура, душевный разговор. Зрителю все это нравится. Роль Антона очень трудна. Нужно быть и ведущим спектакля, и одним из героев пьесы — комсоргом, и шарманщиком на карнавале. У В. Волкова есть удача и в том, и в другом, и в третьем. Темпераментно, с богатыми оттенками в голосе артист проводит, например, сцену с Лешкой и Топсином в первом акте. Он скрепляет это трю — и что за страстной, интересный, волнующий разговор получается! Сколько неподдельной ласки, нежности и убеждающей силы в словах, обращенных к Лешке: «Ну, не злись, посмотри на меня. У тебя хорошие рыжие глаза, у тебя настоящее, комсомольское сердце, Лешка» и т. д. Добрая насмешка старшего над младшим, мольба, приказание — как всегда при удачном монологе тысячи, порой неуловимых, оттенков, которые создают впечатление жизни, правды.

Но, к сожалению, не одним лаврами усыян путь артиста в этой постановке. Очень часто хочется услышать и увидеть его шарманщика более таинственным, со скрипучими или завоораживающими оттенками в голосе. И в роли ведущего хотелось бы пожелать большего разнообразия. В. Волкову больше удаются публицистические нотки, а вот лирические (например, в монологах в начале второй или четвертой картин) хуже. Протискивая сухость вместо тепла, задумчивости. Пропадает атмосфера поэзии, лирики. Разрывается ткань произведения.

ЗА АНТОНОМ один за другим появляются другие герои. Их немного, и у всех очень интересные тексты, каждый герой — со своим голосом, особенной повадкой. Но показать этот свой голос, свою повадку не все удается сразу. Большая удача сопутствует в этом артисту Л. Бенину, исполняющему роль главного героя пьесы — Ильи Солнышкина. Не складный. Растерянная фигура и физиономия. Смешной, но уже чем-то очень мил. И вот одна из первых фраз: «Уверю вас — вы ошибаетесь». (Действительно, чего пристают к человеку? Тормошат. У него достаточно своих бед. На шахте струсил. «Утром приехал в Москву, а вечером попал под автобус»). В этой фразе и величайшее уважение к собеседнику (скоро артист раскроет в отношении Ильи к людям и любовь, и чуткость и душевность), и черта, которая раскроется в нем гораздо позже: сила убеждения, страсть недюжинного человека; которую вкладывает Илья — Л. Бенин в каждую фразу.

Л. Бенин пристальный друг следит за каждым словом своего героя. Он и листочек со «счастием» читает с нотками, присущими именно Ильи, и о себе рассказывает смешно и трогательно, то словно прислушиваясь к себе и недоумевая («И знаешь, Максим, до того мне приятно стало — сказать нельзя. Вот, думаю, кто-то обо мне заботится — как я спал, спрашивают») то с подкупавшей доверчивостью к Максиму. Слово как бы всякий раз «обмакивается» в душу и возвращается оттуда теплым, живым, сердечным.

Очень хорошо, на большом накале, провел артист сцену преображения своего героя во время аварии на шахте. Не хуже была хваткая за душу тоска парнишки, в сцене, когда ему грозит увольнение со стройки...

Штрихи, детали, оттенки... И перед нами стоит живой человек той поры — года 1935-го — с прошлым, узнаваемым по тексту автора, и с будущим, узнаваемым по игре актера. Большая дорога у этого юного метроостроевца! Дорога сердца: может, парторга, а может, поэта.

Неудачен, правда, выход Л. Бенина в последнем акте. Главная беда

(Несколько слов о нюансах)

здесь в роскошном костюме. Он и не начал для парнишки, да и делает Илью чересчур возмужалым. Нюансы нарушены. Правдивость образа поставлена под сомнение.

МНОГО УДАЧИ в игре другого главного героя — Лешки, а по-настоящему — бригадира женской бригады метроостроевцев — Лены. Это решительная, волевая, большой души и сметливого природного ума девушка. Тяжелая жизнь сделала ее грубоватой по манере держать себя, разговаривать. Но сколько в ней чудесного! Ее все уважают, многие любят как прекрасного человека, и вот в это лето 1935 года двадцатидухлетний бригадир вступает в пределы любви. Бедная несчастная Лешка! Ты очень красивая и хорошая, но сколько в тебе наносного и еще не раскрытого! Артистка Е. Ярцева создает убедительный внешний портрет обязательнейшего человека. Но, к сожалению, счастливые сценические данные актрисы не всегда сопровождаются убедительной трактовкой образа. Да, главное есть — Лешка, с размашистым жестом, залихватским прищуром, деланным — с хрипотой — голосом, который, легко переходя в мягкий, грудакий, полублаженный нам. Но мы не поняли ее любви. А это чрезвычайно важно для образа.

Кто из зрителей почувствовал, что уже с первых слов длинного диалога Лешки и Ильи во второй картине начинается любовь Лешки? Вряд ли найдутся такие. И неожиданный перескок мысли, и углубленный интерес к личности Ильи Солнышкина — это все позывы любви, которая свергает в сияние «мужскую» душу Лешки. Когда Лешка говорит Илье «Илья, умей!» и потом «Молод еще» — это слушание парня: а как он отнесется к этим обидным словам, какова сила его сопротивления? Е. Ярцева не сумела достигнуть этого.

Лена незаметно для себя объявляет безграничной любовью. Но она боится выдать себя — и тут следует замучительная находка драматурга, потерянная режиссером В. Иркиным-Ковым. Казалось бы, после того, как Илья уже раскрыл мягкую, благодарную, умную и твердую душу своему бригадиру, после того, как Лена полюбила Илью (электрический ток должен был пройти через Лену в такой момент!), после того, как текст приказал («Эх, рыжий, рыжий. Нескладный ты человек, а вот волосы у тебя пушистые») объявить эту милую рыжую башку, а ремарка прямо указала: «Терпеть его водоссы» — Лена должна незаметно для Ильи ласкать его и горлосить эти внешне незначительные слова о кошке, которая идет по крыше, а в паузах, между строк выложить перед зрителем всю свою плелому-ренную, робкую, чистую любовь. Но этого не получилось. Вся сцена прошла как одно сплошное недоразумение, потому что непонятным осталось и то, почему Лена прогнала Илью (по песне-то понятно: Лена испугалась того, что все же разоблачит себя перед Ильей), и то, почему сказала себе «Ию-ию-ию, осторожно на порогах...»

Не прозвучал этот же монолог о кошке и в последнем акте, монолог, который должен был стать символом конца Лешкиной любви и который нес еще больше нискожающего, чем первая монолог о кошке.

И вот что интересно и закономерно: коллектив театра почувствовал «недостаток» материала для выяснения любви Лены к Ильи... и... до и после диалога о кошке оставил доспешительные разъяснительные фразы. Но увы, это, конечно, не помогло. Тяжело произнесения уже разрушена. Это обидное недоразумение украло у зрителя очень много хорошего волнения, богатых впечатлений. Нюанс драматурга, не угаданный театром... Это, пожалуй, хуже, чем нюанс, неучащенный доспешитель до зрителя актером.

МАКСИМ САМОДЕЛЬНЫЙ... Артист Е. Трифонов нашел верный рисунок роли. Его Максим из урюкомоватого, не очень развитого парня превращается в смекалистого, мужественного и душевного человека. Где-то вычлал зритель тепло улюбается его привычному бурчанию: «Но я смеюсь... Трижды» — и с тех пор проникается глубокой симпатией и к образу.

МНОГО ПРОСТОТЫ, непосредственности в милым потешным Топсику. Артистка В. Калкина тепло, улыбаясь, легко ведет роль семнадцатилетней егзы, роль, которую она обогащает разнообразными свежими интонациями, неподдельной живностью и забавной, по-своему трогательной лирикой.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ о роли Лили Брегман, пожалуй, наименее удачной. Есть ряд эпизодов (разговор перед возвращением Ильи из больницы и др.), в которых артистка И. Чунтова играет убедительно и правдиво. Но в основном она еще не жила в роль, а, может, и не полагивалась к ней. Театрально, деланно, а не недолучено, как следовало бы, звучит ее возглас «Вальс» в сцене, когда она неожиданно попала на маскарад. С неоправданной надеждой и опять испрени, а не устало, не безнадзорно, не иронически, как следовало бы, произносит она «Счастие...» после прочтения записки, полученной от шарманщика. Эти короткие возгласы — штриховые контуры большого горя. Лили. Каждое из них нужно произносить предельно верно, ибо в противном случае даже одна ошибка может разбить все картины.

И любовь Лили (до решительного объяснения) вся — в отрывистых фразах. Но вот артистка произносит урюмо-усмешливое «Не скажу, нет» как кокетливое «Не скажу: «Нет» — и потерялось очень многое из образа; вот она констатирует мимоходом, что Илья в шахте — и снова потеряния масса чувств и переживаний. Исчезает плоть, остается схема. Пропадает образ.

БОЛЬШЕ АКТЕРСКИХ ПОИСКОВ, чтобы фраза была произнесена единственно верно, единственно верно был сделан жест! И тогда уже сейчас неплохой спектакль, станет хорошим, удачным произведением.

Р. ХАКИМОВ.

